

**ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ
ВЛАДИМИРА МОРОЗОВА (1932-1959)**

Оглавление

ЕГО РОВЕСНИКИ СТИХИ	2
СТИХИ О НАСТОЯЩЕМ.....	9
<i>Стихи Владимира Морозова. Публикация А. Ф. Грачева.</i>	
<i>Вошебная сума</i>	16
<i>Ночь тирана</i>	19
<i>«Я толкнул вас? Простите, спешу»</i>	20
<i>«О долголетию»</i>	21
<i>Сын дворничихи</i>	22
<i>Памяти Колумба и Магеллана</i>	22

ЕГО РОВЕСНИКИ СТИХИ

— КОГДА Я ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛ ЕГО, БЫЛ ПОТЯСЕН. ЧЕМ? НЕ УГАДАЕШЬ. ПОНИМАЕШЬ, СРАЗУ ПОСЛЕ ДЕСЯТОГО КЛАССА ПЕТРОЗАВОДСКИЙ МАЛЬЧИШКА ОЧУТИЛСЯ В МОСКВЕ, В ЛИТИНСТИТУТЕ. ДЛЯ МЕНЯ ТОГДА СВЕТЛОВ — БОГ. «ГРЕНАДА», РУБАКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. ПЛЕЧИ – ВО! РУКИ — ВО!.. И ВОТ МНЕ ПОКАЗАЛИ ЕГО. А ОН БЫЛ КАКОЙ-ТО НЕБОЛЬШОЙ, НЕГЕРОИЧЕСКИЙ, В ЖЕВАНОМ ПИДЖАЧИШКЕ, СЛОВНО С ЧУЖОГО ПЛЕЧА... Я ВОЗЬМИ И БРЯКНИ ТУТ ЖЕ ЕМУ НАСЧЕТ ПЛЕЧ И ПРОЧЕГО. А ОН: «Э, СТАРИК, ШИРОКИЕ ПЛЕЧИ УЖЕ ДАВНО СДАНЫ В ЛОМБАРД».

Этот маленький эпизод — рассказ Владимира Морозова — для меня не просто воспоминание, не «Мемуарный» факт. Тогда или, вернее, позднее я понял: в жизни, в общении, в литературных пристрастиях и, наконец, в самом главном, в поэзии — во всем Владимир Морозов был романтиком. Правда, это слово чересчур злоупотребляли и тем самым словно обесценили, но к Морозову это не имеет ровно никакого отношения.

Владимиру Морозову, наверно, и в голову не приходило писать стихи, которые были бы старше его — человека и поэта, которые бы казались более мудрыми, чем те горячие и безоглядные, чем те бескомпромиссные и нравственно прямолинейные, какие рождались тогда у двадцатилетнего стихотворца. Его стихи — всегда его ровесники. Все, о чем бы он ни писал, не только созвучно ему, но просто неотделимо от него. И жизнь, и трудное в ней, и радость ему видятся под углом юношеской романтики, энтузиазма, мечты.

Стучит колесами скорый поезд,
Стучит,
        как сердце в моей груди...
Жизнь моя —
        это вечный поиск
Счастья,
        которое
                        впереди...

А эти строки из другого стихотворения:

Забудь, товарищ, про усталость,
Остаток силы собери.
До цели нам с тобой осталось
Шага четыре или три...

Какие-то из этих строк остались в том далеком времени. Что ж, то было время нашей юности, молодости. И называется оно оттепелью, хрущевской оттепелью... Это ведь тогда, осенью 1956 года, я в журнале прочитал пастернаковское: «Во всем мне хочется дойти до самой сути...» Это было время, когда поколение Владимира Морозова впервые прочитало «Любку Фейгельман» Ярослава Смелякова и его же мудрую позднюю поэму «Строгая любовь». Примерно тогда же в книжных магазинах появился яркий оранжевый сборник — «Солнцеворот» Владимира Луговского и его же «Синяя весна». То была лебединая песня поэта:

Зяблик запел на березе лиловой,
Вышел из черной земли чистотел.
Это не высказать будничным словом —
Снова, как в детстве зяблик запел.

Значит, дано мне опять насладиться
Дедовской, русской прохладной весной,
Видеть, как мчатся пролетные птицы
К старым гнездовьям, на север родной...

Это была пора, когда робко и неторопливо всматривались мы в стихи Николая Заболоцкого, очень медленно осваивался нелегкий для юности мир поэта. Ведь началось знакомство с «классического», позднего Заболоцкого — о его «Столбцах» кто-то слышал, а кто-то — нет...

Маленькую бледно-зеленую книжечку стихотворений Леонида Мартынова выпустило тогда издательство «Молодая гвардия», которое обычно знакомило читателей с юными дарованиями. Какое там юное дарование! Здесь мир напряженный, выстраданный многими годами, десятилетиями:

Я понял!
И ясней и резче
Жизнь обозначилась моя,
И удивительные вещи
Вокруг себя увидел я...

Уже всюду мы читали молодых поэтов Евгения Евтушенко и Роберта Рождественского, в самом конце 50-х годов узнали Андрея Вознесенского и Беллу Ахмадулину. Вместе с молодыми тогда начинал печататься не очень молодой Борис Слуцкий.

И это время было временем Владимира Морозова. Меня вовсе не смущает, что в ряд с весьма крупными поэтами я поставил и Морозова. Память наша ведь не заботится о рангах, а многие строки Владимира Морозова, наверно, навсегда со мной:

Сопки. Лес. Комары кусаются.
Да непуганый бродит лось...

А вот это помните?

Стара у клена гимнастерка,
А новой клену не дают...
Столпились камни у озера
И, словно овцы, воду пьют.

У валунов недвижна лодка
Лежит на желтизне травы,

Как пулей сбитая пилотка
С солдатской бритой головы...

И еще:

Осень. Нет больше гама птичьего.
Поржавела в лесу трава...

Сколько написано поэтами об осени, а Морозов сказал свои слова. Много признаков непогоды; если начать их перечислять, получится очень длинное описание. У Светлова об этом одна строка: «Шляется простудная погода...» И Морозов «поместил» всю непогоду в одну строку:

Зарябили в глазах дожди...

Трудно остановить этот праздник памяти, праздник воспоминаний. Могу ли я писать воспоминания о Владимире Морозове? (Конечно, я называл его Володей, но в разных воспоминаниях меня почему-то задевает, как-то царапает, когда известных поэтов называют подчеркнуто Сашами, Володями, Сережами...) Знал его недолго, только последние два-три года его на земле, встречался не так уж часто, но некоторые встречи с ним так запали в память, что все-таки решаюсь собрать на бумаге эти отрывки прошлого.

Была в Карелии маленькая пионерская газета «Юные ленинцы». Редакция ее помещалась в старом деревянном доме на улице Герцена в Петрозаводске. Маленькие, по-домашнему уютные редакционные комнатки располагались на втором этаже. Одна особенно памятна. В углу ее, возле круглой железной печки, стоял старый продавленный диван — это было место редакционного «Декамерона». Здесь можно было услышать самые разные истории; детский писатель и журналист Владимир Данилов рассказывал о Бианки, с которым переписывался и встречался, и, отогреваясь у печки, вспоминал какие-то охотничьи байки... В этой газетке недолго работал Виктор Соловьев, которого я тогда и не разглядел, и Владимир Морозов. Его взволнованные, с каким-то как будто задыханием, рассказы никогда не напоминали воспоминания. Все это словно происходило только что, вот сейчас... Историю знакомства его со Светловым я уже рассказывал. Вот еще одна.

Однажды литинститутовцы выступали в каком-то московском студенческом общежитии. Молодые поэты читали стихи, притом как обычно читают поэты: заунывно и монотонно, мало заботясь о тех, кто их слушает. «Ну вот, заныли... — подумал Морозов. — Я им сейчас

покажу, как надо читать!..» И показал. Аудитория его сразу выделила и отлично приняла. Случай этот произошел в самом-самом начале пятидесятых, а рассказывал про все это он в конце пятидесятых; и даже тогда в его как бы торопливом, задыхающемся, взволнованном рассказе о том давнем эпизоде слышалась неподдельная обида:

— Знаешь, старик, мне ведь бойкот объявили те ребята. Поэт, мол, не должен хорошо читать... Хорошие стихи — и так хороши. А ты чтением стал вытягивать свои... — И Морозов засмеялся, вспомнив эти нелепые и наивные, быть может, даже немного завистливые «теории» своих однокашников.

А завидовать было чему. Я сейчас говорю не о таланте поэта (хотя кто знает, из каких «компонентов» этот самый талант складывается), а о его удивительной человеческой открытости и доверчивости. Как знать, быть может, тут и таилась его будущая беда, драма, смерть. Такая доверчивость и открытость не только вооружает человека в этом далеко не сентиментальном мире. И, вероятно, был какой-то разлад у Морозова, — разлад, о котором мы только можем догадываться. Разлад, наверно, не совсем осознанный поэтом. Что его преследовало? Он видел призрак тупика? Почему он ушел из жизни? Об этом трудно, невозможно говорить. Да и нет никаких таких ответов...

Да, завидовать было чему: он прекрасно читал стихи. Как точно написал, сказал о себе:

Мой голос звучит по-мальчишески звонко...

К этому надо добавить — он грассировал, чуть-чуть картавил. И это сообщало всему тому, что он читал и о чем говорил, особое обаяние. Когда бы ни перечитывал кедринских «Зодчих», слышу морозовский голос, морозовское чтение:

Как побил государь
Золотую Орду
Под Казанью...

Я где-то то ли писал, то ли говорил, что жаль — не записали голос Морозова. И вот прошлым летом, когда отмечали 60-летие со дня его рождения, Александр Валентик включил магнитофон, и мы услышали голос поэта, всю маленькую поэму «Собака». В архиве Карельского радио нашлась эта запись.

Давайте представим себе, какой поднялся вой в 1954 году на втором съезде писателей Карелии, когда Владимир Морозов прочитал эту самую «Собаку»! Ну что там, в той истории, особенного и страшного? Да ничего. Там, правда, есть одна такая строка:

В собачьей жизни всякое бывает...

А все властители — и писательские и не писательские — тогда очень встревожились и испугались. Да что там — испугались! Они буквально взбесились, они в этой поэме унюхали, учуяли подрыв основ... Сейчас смешно обо всем этом вспоминать, так как в поэме рассказывалась бесхитростная и трогательная история.

После беседы о Владимире Морозове на телевидении одна петрозаводчанка сказала мне: «Как это так – в Петрозаводске нет ни одного места, улицы, которые носили бы имя Владимира Морозова?» Действительно, как это так? Ведь в Петрозаводске многое напоминает о Морозове. С улицы Анохина хорошо видны в глубине, во дворах, старые деревянные дома. В одном из них жил он с родителями. А где же раньше был Дом пионеров? Там в драматическом кружке, которым руководила Ония Ивановна Лапина, будущий поэт, наверно, впервые столкнулся с искусством.

Больше вспоминаются не сами занятия литературного объединения, которым руководил Владимир Морозов, а то время, поздние вечера, когда мы расходились и, по-студенчески никуда не торопясь, говорили сразу обо всем на свете... Так мы бродили по городу и приближались к улице Анохина, где было наше университетское общежитие и где жил Морозов, — вот тогда он читал часто нам стихи почти неизвестных нам Дмитрия Кедрина и Ярослава Смелякова, особенно раннего Смелякова. Тогда же он прочитал кое-что из своего: недавно написанного «Глухаря» и отрывки из поэмы «Венера и Бригитта».

Поэты поколения Владимира Морозова — Евгений Евтушенко и Роберт Рождественский — за последние лет тридцать изменились, а Морозов остался в нашей памяти все тем же двадцатилетним поэтом-юношей, каким ушел из жизни. Это покажется странным, но ранние вещи Р. Рождественского (стихи и, положим, поэма «Моя любовь») своим юным ригоризмом, бескомпромиссностью куда ближе к стихам и поэмам Владимира Морозова, чем к последним произведениям самого Рождественского. Речь идет не о стиливой похожести (ее-то как раз никогда не было), а о той полумальчишеской нравственной непримиримости, неуступчивости, какой дышат многие строки Морозова.

Тот, кто в жизни

не настоящий,—

Настоящим в любви не будет!..

(«Стихи о настоящем»)

Боясь промокнуть, простудиться,

Ты на свиданье не пришла...

(«Просвета нет на горизонте...»)

Он нас всех угощал пирогами,—

Мы не взяли его пирогов...

(«Парень свой»)

У Владимира Морозова царит атмосфера напряженного нравственного выбора. Над этой проблемой бьются и мальчишки, и пожилая женщина Анастасия Фомина из одноименных поэм.

Томас Манн, говоря о ранней поре нашей жизни, о молодости, характеризует ее как «юношескую, прямолинейную, направленную вовне». Все эти «компоненты» встречаются в стихах и поэмах Морозова: и юношеская горячность, и нетерпимость, и прямолинейные безоглядные штурмы сложных нравственных вопросов.

И еще одна грань этой проблемы. У Морозова повествовательностью отличаются не только «большие» жанры, поэмы, но и лирические стихотворения. И повествовательность не просто связана с юношеским нравственным максимализмом, но словно продиктована им: моральная требовательность понуждала поэта к рассмотрению «случая из жизни» и тем самым приводила к повествованию. Даже в таком, казалось бы, чисто лирическом стихотворении, как «Отправляется поезд...», есть свое повествование:

Отправляется поезд,
И кончается повесть
О любви некороткой,
О ее увяданье,
О девчонке некроткой,
О последнем свиданье...

Владимир Морозов был безоглядно горячий, наивный, искренний, страстный человек и поэт, и его мир — при всех «мальчишеских» крайностях — притягивет к себе читателя.

С Владимиром Морозовым познакомил меня юный поэт, а впоследствии журналист Сергей Штейнберг. Было это весной 1957 года в редакции «Комсомольца», где перед этим напечатали мою рецензию на первый сборник Морозова «Стихи о настоящем». Заметки эти я писал увлеченно, горячо, однако не забывал, конечно, что я студент-филолог и сделал какие-то там «важные» замечания. Но редакция газеты резко сократила положительную часть

моего писания (они еще хорошо помнили официальный разгром морозовской «Собаки») и, таким образом, мои замечания заняли значительное место в небольшом газетном тексте. Я был этим весьма удручен: ведь то была одна из моих первых опубликованных работ; я еще совсем не был закален и не знал, что такое газета...

Знакомя нас, Сергей назвал меня автором той несчастной рецензии.

— Старик, — сказал приветливо и открыто Морозов, стискивая мою ладонь, — старик, так о стихах не пишут...

Это было так сказано и в этом крепыше было что-то такое, что мне не удалось обидеться.

СТИХИ О НАСТОЯЩЕМ

(К 50-летию Владимира Морозова)

Сейчас, четверть века спустя, трудно представить, что значила для молодежи той поры поэзия Владимира Морозова и его первая книга «Стихи о настоящем», появившаяся весной 1957 года. Это был год или, точнее, время, когда поколение В. Морозова прочитало Ярослава Смелякова, Леонида Мартынова, Николая Заболоцкого, Дмитрия Кедрина, когда совершенно по-новому зазвучал Владимир Луговской и появились поздние строки Бориса Пастернака.

По обложке тоненькой книжечки Ярослава Смелякова косо бежали слова «Даешь Магнитогорск!», и можно было только догадываться, что он живет в поэзии уже более двух десятилетий, что его удивительная поэма «Строгая любовь» — из далекой горячей юности. Примерно в это же время в книжных магазинах появился яркий оранжевый сборник — «Солнцеворот» Владимира Луговского. Тогда юные читатели не знали его стихов 20—30 годов, не ведали о его бедах позднейшей поры; не знали, что книга поэм «Середина века», «Солнцеворот» да еще совсем маленький сборник «Синяя весна» (посмертно издан) станут лебединой песней этого поэта... Тогда со страниц «Солнцеворота» пришли сокровенные строки:

Зяблик запел на березе лиловой,
Вышел из черной земли чистотел.
Это не высказать будничным словом —
Снова, как в детстве, зяблик запел.

Значит, дано мне опять насладиться
Дедовской, русской прохладной весной,
Видеть, как мчатся пролетные птицы
К старым гнездовьям, на север родной...

Это была пора, когда робко и неторопливо всматривались в стихи Николая Заболоцкого, ибо очень медленно осваивался нелегкий для юности мир поэта. Ведь началось знакомство с «классического», позднего Заболоцкого — о его «Столбцах», наверно, и не слышали...

Запомнились хорошо даже какие-то мелочи. Книжечка «Стихотворений» Леонида Мартынова была бледно-зеленого цвета, ее выпустило издательство «Молодая гвардия», которое обычно знакомило читателей с молодыми именами. Какой там молодой поэт... Здесь был мир напряженный, выстраданный многими годами.

Я понял!
И ясней и резче
Жизнь обозначилась моя,
И удивительные вещи
Вокруг себя увидел я...

А незадолго до всех этих впечатлений — осенью 1956 года — околдовали пастернаковские строки:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, поисках пути,
Сердечной смуте.
.....
Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья...

И одновременно с цитированными знаменитыми стихами — в те же годы — вошли в память дорогие мне строки Морозова.

Стара у клена гимнастерка,
А новой клену не дают...
Столпились камни у озера
И, словно овцы, воду пьют.

У валунов недвижна лодка
Лежит на желтизне травы,
Как пулей сбитая пилотка
С солдатской бритой головы...

И еще:

Осень. Нет больше гама птичьего,
Поржавела в лесу трава...

Сколько написано поэтами об осени, а Морозов сказал свои слова. Много признаков непогоды; если начать их перечислять, получится очень длинное описание. У Светлова об этом одна строка: «Шляется простудная погода». И Морозов «поместил» всю непогоду в одну строчку.

Зарябили в глазах дожди...

Трудно остановить этот праздник памяти, праздник воспоминаний.

Я едва ли имею право писать воспоминания о Владимире Морозове, ибо знал его недолго, только последние два-три года его на земле, встречался редко, «о некоторые встречи с ним так запали в память, стали настолько моими воспоминаниями, что все-таки решаюсь собрать на бумаге эти отрывки прошлого.

Была в Карелии маленькая пионерская газета «Юные ленинцы». Редакция ее помещалась в старом деревянном доме на улице Герцена в Петрозаводске. Маленькие, по-домашнему уютные редакционные комнатки располагались на втором этаже. Одна особенно памятна. В углу ее, возле круглой железной печки, стоял старый продавленный диван — это было место редакционного «Декамерона». Здесь можно было услышать самые разные истории, детский писатель и журналист Владимир Данилов рассказывал о Бианки, с которым переписывался и встречался, и, отогреваясь у печки, вспоминал какие-то охотничьи истории... Тогда в «Юных

ленинцах» недолго работал и Владимир Морозов. Его взволнованные рассказы никогда не напоминали воспоминания. Все это словно происходило только что, вот сейчас...

— Когда я впервые увидел его, был потрясен. Чем? Не угадаешь. Понимаешь, сразу после десятого класса, петрозаводский мальчишка, очутился я в Москве, в Литинституте. Для меня тогда Светлов — бог. «Гренада», рубака гражданской войны. Плечи — во! Руки — во!.. И вот мне показали его. А он был какой-то небольшой, негероический, в жеваном пиджачишке... Я возьми и брякни ему тут же насчет плеч и прочего. А он: «Э, старик, широкие плечи уже давно сданы в ломбард...».

Этот маленький эпизод для меня не просто воспоминание, не «мемуарный» факт. Тогда или, вернее, позднее я понял: в жизни, в общении, в литературных пристрастиях и, наконец, в самом главном, в поэзии — во всем Владимир Морозов был романтиком. Правда, это слово чересчур злоупотребляли и тем самым словно обесценили, но к Морозову это не имеет ровно никакого отношения...

Владимиру Морозову, наверно, и в голову не приходило писать стихи, которые были бы старше его — человека и поэта, которые казались бы более мудрыми, чем те горячие и безоглядные, какие рождались у двадцатилетнего стихотворца. Его стихи — всегда его ровесники. Все, о чем бы он ни писал, не только созвучно ему, но просто не отделимо от него.

И жизнь, и трудное в ней, и радость ему видятся под углом юношеской романтики, энтузиазма, мечты.

Стучит колесами скорый поезд,
Стучит,
        как сердце в моей груди...
Жизнь моя —
        это вечный поиск
Счастья,
        которое
        впереди...

А эти строки из другого стихотворения:

Забудь, товарищ, про усталость,
Остаток силы собери,
До цели нам с тобой осталось

Поэты поколения Владимира Морозова — Евгений Евтушенко и Роберт Рождественский— за последние двадцать – двадцать пять лет очень изменились, до неузнаваемости, а Морозов остался в нашей памяти все тем же двадцатилетним поэтом-юношей, каким ушел из жизни. Это покажется странным, но ранние вещи Рождественского (стихи и, положим, поэма «Моя любовь») своим юным ригоризмом, бескомпромиссностью куда ближе к стихам и поэмам Владимира Морозова, чем к последним произведениям самого Рождественского. Речь идет не о стиливой похожести (ее то как раз никогда не было), а о той полумальчишеской высокой нравственной непримиримости, неуступчивости, какой дышит каждая строка Владимира Морозова.

Тот, кто в жизни
не настоящий, —
Настоящим в любви не будет!
(«*Стихи о настоящем*»).

Боясь промокнуть, простудиться,
Ты на свиданье не пришла...
(«*Просвета нет на горизонте...*»)

Он нас всех угощал пирогами,—
Мы не взяли его пирогов...
(«*Парень свой*»)

В стихах Владимира Морозова, как правило, царит атмосфера напряженного нравственного выбора. Над этой проблемой бьются мальчишки и пожилая женщина Анастасия Фомина из одноименных поэм, она в центре лирических стихотворений поэта начиная с «Отправляется поезд...» и до, казалось бы, «бесчеловечной» баллады «Полынья».

Томас Манн, говоря о ранней поре нашей жизни, о молодости, характеризует ее как «юношескую, прямолинейную, направленную вовне». Все эти компоненты имеются в стихах и поэмах Морозова: и юношеская горячность, и нетерпимость, и прямолинейные безоглядные штурмы сложных нравственных вопросов. И все это активно направлено «вовне» — на человеческую каждодневную нравственную практику; поэт исполнен подлинного стремления влиять на поведение, на нравственный мир людей. Может быть, такое нетерпеливое стремление и подсказывало иногда прямолинейные решения...

И еще одна грань этой проблемы. У Владимира Морозова довольно много поэм и еще больше отрывков незавершенных больших вещей. Кроме того, ряд стихотворений — это по сути дела маленькие поэмы: «Дочь лесничего», «На дальнем хуторе», «Стихи о настоящем», «Собака», «Глухарь» и другие. Притом все «большие» жанры Морозова отличаются повествовательностью, ею пронизаны и самые лирические стихотворения. И повествовательность не просто связана с юношеским нравственным максимализмом, но словно продиктована им: моральная требовательность понуждала поэта разбираться в жизненных коллизиях и тем самым приводила к повествованию, к рассмотрению «случая из жизни», определяя характеры и поступки людей и оценивая их по строгой шкале нравственности...

Даже в таком, казалось бы, чисто лирическом стихотворении как «Отправляется поезд...» есть свое повествование:

...кончается повесть
О любви некороткой,
О ее увяданье,
О девчонке некроткой,
О последнем свиданье...
и так далее.

И есть свое назидание:

Ты любовью солдата
Дорожить не умела.

Хотя это одно из самых «музыкальных» стихотворений поэта, со своей сокровенной нотой, настроением («Отправляется поезд, и кончается повесть»), — и оно включает в себе возможность развернуть эту жизненную ситуацию в большую повествовательную вещь.

Владимир Морозов был безоглядно горячий, искренний, страстный человек и поэт, и его нравственный мир — при всех «мальчишеских» крайностях — заслуживает самого высокого уважения. Для снисходительности тут нет и не может быть места.

При жизни Владимира Морозова почти одновременно вышли две книги его стихов — уже упоминавшиеся «Стихи о настоящем» в Петрозаводске и «Стихотворения» — в Москве. В год его смерти появился сборник «Рука друга», который поэт успел сам подготовить к

печати. За последние два десятилетия четыре раза было выпущено «Избранное» поэта, из них последнее — в нынешнем году в издательстве «Карелия».

Молодой литератор А. Ф. Грачев увлекся творчеством Морозова и, будучи студентом Петрозаводского университета, решил писать дипломную работу о его поэзии. Поработав с рукописями, с которыми его познакомили родные и друзья поэта, А. Грачев пришел к выводу, что в книгах Морозова издательства не всегда соблюдают волю автора, некоторые строки оказываются искаженными по той или иной причине. Приведу самый очевидный пример. Много лет печатается стихотворение «Родине», где строка «Моя многострадальная страна» читается так «Моя трудолюбивая страна» (есть, правда, одно издание-исключение — Стихи о настоящем. М., «Современник», 1974. Книга повторила название первого сборника поэта). Спору нет: хорошо и полнокровно, содержательно и глубоко звучит эпитет «трудолюбивая».

Но, во-первых, у Морозова было «многострадальная». К тому же последнее определение куда «вместительнее» — оно вбирает в себя и понятие «трудолюбивая», и многое другое, связанное с историей страны и стойкостью народа в тяжелейших испытаниях, войнах, революциях.

Было бы хорошо, если бы редакторы заинтересовались разысканиями А. Ф. Грачева и учли бы их при подготовке новых изданий поэта.

7 июля нынешнего года Владимиру Федоровичу Морозову исполнилось бы пятьдесят лет. Не только в нашей памяти он остался молодым — жива его юная поэзия и близка новым поколениям читателей.

Предлагаем читателям неизданные стихи Владимира Морозова, которые хранятся у родных поэта. Публикацию подготовил А. Ф. Грачев.

ВОЛШЕБНАЯ СУМА

Сказка

Не знаю, где все было это,
В какой стране, в который век,
Но только жил когда-то, где-то
Один несчастный человек.
Он явно богом был обижен —

Горбат, без глаза одного...
И не было в округе хижин
Бедней, чем хижина его.
С ним были холодны девицы,
Смеялась детвора над ним...
И порешил он удавиться
Ненастным вечером одним.
Веревку свил из лыка ловко,
Минуте избавленья рад...
Сейчас узнаешь ты, веревка,
Сколь весит этот тощий зад.
На лавку взгромоздясь, несчастный
За петлю было взялся, но
В минуту эту громкий, властный
Раздался стук в его окно.
Открыл он дверь. Глядит — у тына,
Держа на поводу коня,
Стоит, широк в плечах, детина:
— Заночевать пусти меня!
— Входи. Да только дома голод...
— Найдется у меня еда.
— Входи. Да только дома холод...
— Переночуем. Не беда.
Вошли. И, на веревку глядя,
Пришелец вдруг захохотал:
— Эге! Да ты, я вижу, дядя,
Совсем от бедности устал.
Ну, коли так, то одарю я
Тебя волшебною сумой.
С ней заживешь ты не горюя,
Коль будешь ей владеть с умом.
В суме сией лежат червонцы.
Их — бесконечное число.
Они сверкают, словно солнце.
Как от вина, от них тепло.—

Суму хозяину подсунув,
Сказал, немного погодя:
— Бери себе любую сумму.
Но только с места не сходя.
Как с места ты сойдешь, папаша,
В суме не станет ничего,
Тотчас сокровищница наша
Свое утратит волшебство.—
Горбун зажег свечи огарок,
Весь от волнения в поту,
И чудный странника подарок
Прижал к худому животу.
Изображал его умишко
Всю жизнь, как денег накопить
На то, чтоб починить домишко
Да лошаденку бы купить.
Зато теперь, в мгновенье ока,
Отсыпал денег без затей
На дом с десятков светлых окон
Да на десятков лошадей.
Да что десятков — сотня! Двести!
Берет деньгу он за деньгой
И на дворянское поместье
С полями, лесом и рекой;
И на гранитные палаты,
И на кареты, и на слуг...
Порвались на штанах заплаты,
Трясутся пальцы тощих рук.
...Восток предутренным пыланьем
Пылал который раз уже,
Но не было конца желаньям,
Растущим в маленькой душе.
Горбун, забывши о желудке,
Что без воды и пищи сох,
От голода на третьи сутки

На куче золота подох.

НОЧЬ ТИРАНА

Уж полночь. Но сон не берет никакой.

В покоях тирана царит непокой.

Да разве возможен какой-нибудь сон:

Из замка в гробу его сын унесен.

И смотрит тиран в непроглядную тьму,

И холодно, и одиноко ему...

Но чу! Это кто показался из тьмы —

Неслышной воды и белее зимы?

Два легких крыла за спиной у него...

И сына тиран узнает своего.

А призрак, над тронном отцовским паря,

Берет золотую корону царя:

— Печально сияние славы твое! —

И жемчуг бесстрастно срывает с нее,

И шепчет, что нету покоя ему

В холодной могиле,— и все потому,

Что камни купил своенравный отец

Ценою облившихся кровью сердец —

И те, кто сегодня в могиле лежат,

Не просят, а требуют камни назад.

...Пурпурную мантию видит тиран,

Сочится из мантии кровь, как из ран,

И призрак берет ее в руки, и вдруг —

Становятся красными лебеди рук.

Он шепчет:

— Ни смерти мне нет, ни житья,

Коль белой не сделаю мантию я.

Слезами своими ее орошу,

Крылами своими ее осушу.—

В немом удивленьи и в злобе тупой

Виденья его обступили толпой.
И плачет он, кровь вытирая с плеча,
И бесы хватают его хохоча.
С кровати тиран соскочил тяжело.
Виденья исчезли. В покоях светло.
Корона лежит невредимая вновь,
И мантия так же похожа на кровь.

* * *

— Я толкнул вас? Простите, спешу.
Эй, такси! Мне на площадь Восстанья!
Только вы поскорее, прошу:
Я к любимой спешу на свиданье. —
Фонари, фонари, фонари —
Замелькали — их целая россыпь.
— На, товарищ шофер, закури.
У меня «Фестиваль» папиросы.
Не желаешь? Курить не мастак?
Ну и правильно, раз не желаешь,
Я ведь сам некурящий. Я так...
В день стипендии, сам понимаешь.—
Фонари... Сколько здесь фонарей!
Мчится мимо высотное зданье...
— А нельзя ли еще поскорей,
Я могу опоздать на свиданье.—
Нажимает шофер на клаксон.
Я смеюсь. Мне легко. Я — влюбленный.
...Пробужденье. Опять этот сон,
Невесомою думой рожденный.
Как с похмелья, шумит в голове...
Слушай, девушка с голосом нежным,
Ты в далекой до боли Москве

Уж меня позабыла, конечно.
Как хочу я тебя позабыть!
Только это, наверное, сложно.
Как хочу я тебя разлюбить!
Только это, считай, невозможно.
Ты для парня с большого села,
Что на севере вырос России,
Воплощеньем столицы была,
Синеглазочка в платьице синем.
Не с тобою ли связано то,
Что впиталось в него постепенно, —
От гремящих потоков авто
До волшебных концертов Шопена.
Невозможно тебя разлюбить,
Потому что тебя окружало
То, чего никогда не забыть,
То, что сердца частицею стало.
Снятся сны... Но зачем, отчего
Снишься парню во сне то и дело
Ты, что стала любимой его,
Только любящей стать не хотела.

О ДОЛГОЛЕТИИ

И снова дождь, и слякоть, и к тому же
Мне почему-то вспомнилось одна
Солидного работника и мужа
Бездетно-безработная жена.
Не то чтобы науку почитая
(Ей голову наукой не вскружить),
Она, труды Зелинского читая,
Хотела знать, как дольше ей прожить.
И жизнь ее была длинным-длинна,
И сыто прожила, и нелюдимо...

И, вероятно, думала она,
Что людям жизнь ее необходима.

СЫН ДВОРНИЧИХИ

Мальчишек, верно, зависть гложет,
Когда глядят они на то,
Что сын их дворничихи может
Зимою бегать без пальто.
Их матерям — одно расстройство:
И все твердят они о том,
Что это — ложное геройство,
Дурной пример и скверный тон.
Они обуты и одеты,
И, верно, невдомек им, что
У сына дворничихи нету
Такого, как у них, пальто.

ПАМЯТИ КОЛУМБА И МАГЕЛЛАНА

Я знаю — нету выше счастья,
Чем счастье сбывшихся надежд.
Но цепью скованы запястья
По повелению невежд.
В бездействии, в безвестье мучась,
Умрешь ты, никому не люб...
У Магеллана та же участь,
Далекий Христофор Колумб.
Сегодня у меня сухие
И воспаленные глаза.
Сегодня хриплые, глухие
Я слышу ваши голоса:
«Еще незрячи и бескрылы,

Имея лишь благой порыв,
Мы новые миры открыли,
Глаза сородичам открыв.
Мы были храбры и не слабы,
Но вот... последний день погас.
Что толку в том, что наша слава
Придет, когда не станет нас,
Когда в гробах своих забытых
Мы все истлеем без следа,
Когда, при жизни позабытых.
Нас не забудут никогда».

В электронном издании использованы публикации:

1. Гин И. М. Его ровесники стихи : В. Морозов / Иосиф Гин // Лицей. - 1993. - №5.
2. Гин И. М. Стихи о настоящем (К 50-летию Владимира Морозова) / Иосиф Гин // Север. - 1982. - №7. - С. 92-95